

УДК 397

DOI <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2025-1/48-56>

А.В. Титорский*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУР УДЭГЕЙЦЕВ, НАНАЙЦЕВ И ТАЗОВ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ 2024 г.)**

В статье представлена общая характеристика репрезентации культуры тазов и других коренных малочисленных народов Приморского края в виртуальном пространстве на примере сообщества социальной сети «ВКонтакте». В ходе исследования была предпринята попытка выявить с помощью корреляционного анализа связь между упоминанием определенного коренного народа в постах сообщества и откликом пользователей в виде «лайков». Затем полученные результаты были сопоставлены с результатами традиционного полевого исследования, что позволило автору сделать общие выводы о репрезентации культуры тазов в сети Интернет.

Ключевые слова: киберэтнография, киберпространство, Приморский край, коренные малочисленные народы, тазы, множественные идентичности

Representation of Udege, Nanai and Taz cultures in cyberspace (based on the 2024 study). ANDREY V. TUTORSKIY (Lomonosov Moscow State University; Russian State University for the Humanities)

The article attempts to describe the representation of the culture of Taz and other indigenous minority peoples of Primorsky Krai in the virtual space using the case of a community in the social network VKontakte. Using correlation analysis, the author identifies connection between the mentions of a certain indigenous people in the community's posts and the user response to them in the form of likes. The results were then compared with the results of a traditional field study, which allowed the author to draw general conclusions about the representation of the Taz culture on the Internet.

Keywords: cyberethnography, cyberspace, Primorsky Krai, indigenous minority peoples, Taz, multiple identities

Введение

Исследования киберпространства и этнографических/антропологических проблем, связанных с ним, начались в 1990-е гг. [30; 37; 38]. В 2000–2015 гг. на английском языке вышли труды, ставшие уже классическими для исследователей интернет-пространства,

среди них – работы К. Хайн [32; 33], Т. Бельстрофа [31] и Д. Миллера [34; 35; 36]. В русскоязычной науке «веб-этнография» (по выражению А.В. Головнева [6]) стала активно разрабатываться во втором десятилетии XXI в. [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 12; 15; 20; 25; 26; 28; 29].

* ТУТОРСКИЙ Андрей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия, tutorski@hist.msu.ru

© Титорский А.В., 2025

** Статья подготовлена в рамках реализации проекта «Трансграничные народы Сибири и Дальнего Востока в составе России: истории успеха как фактор “мягкой силы”» (Программа фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг.).

Многие работы в отечественной традиции посвящены репрезентации конкретных этнических групп в киберпространстве. Как следствие, ключевые теоретические вопросы данных исследований связаны с тем, насколько интернет-пространство соотносится с реальным пространством, проявляются ли в нем особые тенденции, например, предшествующие реальным событиям [6; 9], или, напротив, оно в основном отражает процессы, которые происходят в офлайн-пространстве [2; 26; 28]. В ряде статей интернет-пространство трактуется как особый хронотоп, объединяющий дисперсно проживающие или находящиеся на большом расстоянии от исследователя группы. Так, в 2020 г. в журнале «Этнографическое обозрение» была опубликована подборка статей, посвященных «новой сельскости». Некоторые из их авторов использовали форумы и сообщества в социальных сетях как источник информации, а также как площадку для проведения опросов [16; 27]. Расселившиеся по отдельным деревням Ленинградской области «дауншифтеры» и «выживальщики» – группы, исследование которых сложно с точки зрения логистики. Необходимо объездить множество деревень, в каждой из которых находятся (часто непостоянно) только 1–2 представителя этой группы, что сопряжено со значительными расходами. При этом следствием возможного отказа от интервью станет бесполезная поездка в отдаленную деревню или необходимость возвращаться в нее повторно. Тем не менее на форумах эти люди активно высказывают свои взгляды, которые могут быть обобщены и проанализированы исследователем. Схожим образом интернет-опрос используется в статье Е.П. Желамской, которая собирала представления о границе сельского и городского в восприятии современных жителей южной части Архангельской области [10].

Настоящее исследование выполнялось на стыке описанных выше подходов – нетнографии и исследования этнической репрезентации культур народов в интернете. Планируя полевое исследование 2024 г. в Приморском крае, которое в силу ряда обстоятельств должно было длиться ровно две недели, участники предварительно провели в апреле–июне 2024 г. нетнографическое исследование. В ходе него были проанализированы данные о тазах, а в качестве сравнительных материалов привлекались сведения о других коренных малочисленных народах Приморского края – удэгейцах и нанайцах. Интернет-исследование репрезентации культуры тазов было нацелено на: 1) предварительное ознакомление с актуальным состоянием культуры тазов и других народов Приморского края, элиминирование историографических клише [23; 24], формирование основных исследовательских гипотез, подлежащих проверке в ходе

полевого исследования; 2) сравнение форм репрезентации культуры тазов и культур других народов Приморского края и выявление общих и своеобразных (этнодифференцирующих) культурных черт; 3) формирование набора данных с целью их дальнейшего сравнения с данными, полученными традиционными этнографическими способами (интервьюирование, фотофиксация и наблюдение).

В настоящей статье будет дана общая характеристика репрезентации культуры тазов и других коренных малочисленных народов Приморского края в сети Интернет, преимущественно – в открытых сообществах в социальной сети «ВКонтакте» (далее – ВК) и группах в социальной сети «Одноклассники» (далее – ОК). В ходе исследования была осуществлена статистическая обработка простейших интерактивных форм одобрения содержания того или иного поста (подсчет «лайков»), а затем их обработка методом корреляционного анализа. Затем было проведено сравнение материалов нетнографического и традиционного полевого исследования, а также сделаны общие выводы о репрезентации культуры тазов в сети Интернет.

Общие сведения о народах Приморского края в социальных сетях

В апреле–мае 2024 г. был проведен предварительный сбор информации о группах в сетях ВК и ОК, в которых принимают участие представители тазов (сообщество Ольгинской средней школы в ВК и ОК, сообщество Ольгинской районной библиотеки в ВК, сообщество Ассоциации коренных малочисленных народов Приморского края). Наиболее активно культура тазов была представлена в сообществе «Союз коренных малочисленных народов Приморского края» (далее – СКМН ПК) в ВК, и именно это сообщество было выбрано нами для анализа связи тематики отдельных постов и предпочтений пользователей.

Важно отметить, что помимо сообществ в социальных сетях значительное количество информации о некоммерческих организациях, включающих представителей коренных малочисленных народов, содержится на государственных официальных сайтах. СКМН ПК был зарегистрирован в Едином государственном реестре юридических лиц 27 марта 2012 г. и объединил 13 национальных общин¹. Сообщество «СКМН ПК» было создано для информирования общественности о текущей деятельности союза 18 марта 2019 г.

¹ По информации сайта организации, это «Кедр», «Удэге», «Буа Хони», «Родник», «Аралия», «Эдельвейс», «Ирбис», «Адига», «Тернейская», «Агзу», «Удэгейское братство», «Тайга», «Олондо» [18].

На 01.06.2024 в нем насчитывалось 403 публикации (поста), из которых в 83 случаях упоминались культуры коренных малочисленных народов Приморья. В сообществе состояло 103 участника, которые не очень активно участвовали в обсуждениях публикаций. Среднее число просмотров у постов в сообществе составляло 85,7, а среднее число «лайков» – 5,1.

Подавляющее большинство постов сообщества (320 шт.) было посвящено общей информации и текущей деятельности объединения, не связанной с конкретными культурами народов Приморья (это, например, информация о проведении в Москве выставки «Сокровища Севера – Мастера и художники России 2024» [21, 08.05.2024²], ежедневные отчеты о гуманитарно-патриотической акции-автопробеге Владивосток–Луганск под лозунгом «Народы вместе – сквозь года!» [21, 28.01–21.02.2024], ежегодные поздравления с Международным днем коренных народов мира [21, 09.08.2021, 09.08.2022, 09.08.2023] и др.).

Из 83 постов сообщества с упоминанием конкретных коренных малочисленных народов Приморского края 68 было посвящено удэгейцам, 31 – нанайцам, 22 – тазам, в 4 упоминались гольды. С точки зрения официальной документации, «гольды» – устаревшее название нанайцев, однако гольды в Приморском крае сопротивляются своему отождествлению с нанайцами и добиваются признания в качестве отдельного народа. Важно отметить, что в 14 публикациях сообщества использована типовая формулировка, одновременно включающая все три официально признанных народа края, – «коренные малочисленные народы Приморского края удэгейцы, нанайцы и тазы», употребление которой не предполагало дальнейшей детализации и обращения к конкретным элементам культуры или повседневной жизни указанных народов. Таким образом, число публикаций, которые содержали бы сведения о конкретном аспекте культуры названных народов, меньше: 54 – для удэгейцев, 17 – для нанайцев, 7 – для тазов и 4 – для гольдов.

В этих немногочисленных постах культуры трех основных народов были представлены неравномерно с точки зрения качественных показателей. Наиболее подробно была освещена современная культура и повседневная жизнь удэгейцев. Мы выделили два типа упоминаний, в соответствии с которыми были проведены количественные подсчеты: во-первых, упоминания элементов культуры (построек, предметов материальной культуры, блюд, праздников, отдельных слов национального языка и их значений), во-вторых, упоминания актеров или актантов (по Б. Латуре),

в число которых могли входить любые люди или организации, совершающие действия в интересах культуры того или иного народа (учителя национального языка, национальные общины, ученые, исследующие народ, известные художники или литераторы из числа представителей народа и т.д.)

Элементы культуры удэгейцев упоминаются в 15 постах, нанайцев – в 8, тазов – в 2, а гольдов – ни разу. Качественная характеристика упоминаний может быть представлена следующим образом. Из элементов культуры удэгейцев упомянуты: *севохи* – антропоморфные фигуры, вместилища духов [21, 22.05.2022], хозяин моря и рек *Ганихи* и его помощница касатка *Тэму* [21, 15.03.2023], *улы* – охотничья обувь [21, 29.09.2023], *кункай* – музыкальный инструмент, удэгейские пельмени *бианчи* [21, 28.11.2023], «Танец оленей» [21, 29.12.2023], «Гуаня» – Новый год на удэгейском [21, 10.02.2024]. Периодически посты начинались с приветствия на удэгейском языке, например: «Багдифи, мой друг!» [21, 24.10.2022]. Среди упоминаемых элементов нанайской культуры – народная игра «Апокачи» (нанайские шашки) [21, 26.06.2022], сказка «Айога» [21, 01.02.2023], ансамбль «Кэку» (в переводе с нанайского – «цветок») [21, 20.10.2023] и др.

На этом фоне культура тазов представлена всего лишь двумя упоминаниями. Во-первых, в одной из публикаций говорится о том, что основным видом хозяйственной деятельности тазов является рыболовство: «рыболовство у них в крови» [21, 01.12.2022]. Хотя данное занятие скорее объединяет тазов с другими коренными народами Приморья, а не отличает их. Во-вторых, в сообщении о поездке в Мариуполь упомянут «салат “фунчоза” по рецепту тазов» [21, 09.02.2023], который был приготовлен главой СКМН ПК, удэгейцем по национальности. Таким образом, фактическая информация о культуре тазов в постах представлена минимально, о гольдской культуре – не представлена вовсе.

Схожим образом выглядит и ситуация с упоминаниями актантов, представляющих традиционную культуру, или, если говорить точнее, то в первую очередь вторичные формы культуры (по К.В. Чистову). Удэгейскую культуру представляют различные общины («Буа-Хони», «Родничок», «Агзу» и др.), Центр удэгейской культуры «Удиэ Зугдиги Андала», детский ансамбль «Вайкта», преподаватели удэгейского языка (Л.А. Каза, А.Л. Уза, О.Д. Лобода, Н.И. Андреева), организатор праздника «Сагди Дава» Г.В. Андрейцева, писательница В. Кялундзина, художник И. Дункай. Кроме того, актантами, продвигающими культуру удэгейцев, выступает Российский этнографический музей [21, 23.01.2023], сотрудники Музея истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева и Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

² Здесь и далее в ссылках на посты сообщества указываются даты размещения постов.

ДВО РАН (А.Ф. Старцев, Ю.В. Латушко, Р.В. Гвоздев). Нанайская культура представлена ансамблем «Кэку», мастером народного творчества Н.М. Дигор, изготавливающей сумки и другие аксессуары из рыбьей кожи, лингвистом Е.А. Гаер. Ее актанты также выступают музейные и исследовательские учреждения Приморского края. Культура тазов представлена только тремя актантами, из которых только один – таз по национальности. Это Н.В. Ваганова, которая названа в фильме о тазах (проект «Исчезающие легенды») «последним носителем тазовского языка» [21, 24.10.2022]. Два других актанта – исследователь традиционных культур народов Приморья А.Ф. Старцев и глава СКМН ПК В.В. Андрейцев, удэгейцы по национальности.

Таким образом, большинство из проанализированных упоминаний конкретных элементов культуры и актантов, продвигающих национальные культуры, относится к удэгейцам, что вполне объяснимо, т.к. удэгейцы – самый многочисленный из коренных народов Приморского края. Их численность в регионе, по данным переписи 2020–2021 г., составляла 715 чел., численность нанайцев, основная масса которых (10 836 чел.) проживает в Хабаровском крае, – 302 чел., тазов – 221 чел. [11]. Это обстоятельство объясняет, почему большая часть актантов нанайского народа – гости из Хабаровского края. Почти полное отсутствие актантов среди тазов позволяет заключить, что представители этого коренного народа наименее активно включены в процесс манифестации собственной культуры в сети Интернет, и требует дальнейшего изучения.

Внимание пользователей к постам этнической тематики на примере сообщества ВК

Для объяснения причин «невидимости» культуры тазов нами было разработано две альтернативных гипотезы, для проверки которых был предпринят корреляционный анализ, направленный на выявление связи между тематикой постов (упоминание конкретных коренных народов) и откликом пользователей сообщества. Согласно первой гипотезе, этнические тазы постепенно теряют свою идентичность, обретая новые формы самосознания в рамках городских, полиэтнических сообществ. По данным Всероссийской переписи населения 2020–2021 г., доля тазов, проживающих в городах и поселках городского типа, составляет 47,9% [11]. В таком случае, посты о культуре тазов должны были отмечаться «лайками» совершенно разных пользователей сообщества (например, пост, посвященный фильму о культуре тазов, – «лайками» от участников съемочной группы и жителей с. Михайловка и пгт Ольга, которые помогали с организацией съемок), но не этнических тазов. Вторая гипотеза предполагала наличие у этнических тазов четкого самосознания, которое по определенным причинам не

могло манифестироваться открыто. В таком случае в сообществе «СКМН ПК» должны были иметься люди, которые целенаправленно отмечают «лайками» именно посты о культуре тазов. В случае подтверждения этой версии гипотеза о размывании этнического самосознания тазов оказывается несостоятельной, что влечет за собой необходимость коррекции форм сбора сведений об этнической культуре.

В ходе проверки гипотез мы сформировали таблицу, в которую включили посты сообщества, присвоив каждому уникальный номер в формате «год–месяц–дата–время публикации» (например, пост от 8 февраля 2024 г., опубликованный в 11:19, получал номер 202402081119). Каждый пост был оценен на предмет упоминания в нем коренных малочисленных народов края – удэгейцев, нанайцев и тазов (1 – упоминается, 0 – не упоминается), а также количества «лайков», полученных от пользователей. Затем был высчитан коэффициент корреляции, характеризующий связь между упоминанием определенного коренного народа и количеством «лайков», поставленных данному посту.

Пользователи сообщества в зависимости от их активности были разделены на 3 группы. Первую составили представители администрации сообщества (2 чел.), которые отмечали «лайками» большую часть постов сообщества, независимо от связи их содержания с культурой конкретного народа. Вторая группа – это относительно активные пользователи (34 чел.), поставившие за исследуемый период (с 18.03.2019 по 01.06.2024) от 39 до 6 «лайков». Данный диапазон показателей был выбран в связи с тем, что он поддается статистической обработке. Наконец, третья группа – это «случайные» посетители (61 чел.), которые нажимали на кнопку «нравится» 5 раз и менее. При оценке коэффициента корреляции были использованы следующие референтные значения: 0,7–0,9 – сильная корреляция, 0,41–0,69 – относительная корреляция, 0,4 и ниже – слабая корреляция.

Для представителей первой группы наибольшая величина коэффициента корреляции характерна для постов, посвященных культуре удэгейцев, на втором месте оказываются посты о культуре тазов, наименьшие (или равные с тазами) значения коэффициент принимает для постов о нанайской культуре (табл. 1).

Таблица 1
Коэффициент корреляции для администрации сообщества

	Администратор № 1	Администратор № 2
Удэгейцы	0,70	0,60
Нанайцы	0,41	0,33
Тазы	0,48	0,33

При оценке коэффициента корреляции для группы активных пользователей были выявлены следующие значения: 2 человека не поставили ни одного «лайка» под постами, где упоминались представители коренных народов; для 4 человек наблюдался положительный (хотя и менее 0,2) коэффициент корреляции в отношении постов об удэгейцах и отрицательный – в отношении постов

о нанайцах и тазах; для 24 человека отмечена низкая величина коэффициента корреляции в отношении постов о коренных народах в диапазоне от 0,1 до 0,39. Наконец, 4 человека имели относительно высокую (более 0,4) величину коэффициента корреляции в отношении постов, упоминающий один определенный коренной народ (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент корреляции для группы активных пользователей (выборочные результаты)

	Пользователь № 9	Пользователь № 13	Пользователь № 29	Пользователь № 31
Удэгейцы	0,27	0,48	0,42	0,26
Нанайцы	0,46	0,32	0,36	0,34
Тазы	0,33	0,35	0,49	0,59

Примечательно, что среди этих четырех пользователей, отмечающих «лайками» преимущественно посты, упоминающие конкретный народ, два человека имеют наиболее высокий коэффициент корреляции в отношении постов о тазах (№ 29 и 31). Несмотря на весьма скромный масштаб проанализированных данных, мы полагаем, что они дают основание опровергать гипотезу о том, что тазы постепенно теряют свое этническое самосознание. В связи с этим обозначилась необходимость изменить традиционную схему этнографического исследования, предполагающую первоочередной интерес к постройкам, одежде, орнаментам, пище и народному творчеству изучаемого этноса, и осуществить поиск альтернативных сфер проявления этничности тазов.

Полевые наблюдения и их сопоставление с результатами онлайн-исследования

В июле 2024 г. нами был совершен полевой (пилотный) выезд в Ольгинский район Приморского края, в ходе которого было проведено интервьюирование 12 представителей тазов и гольдов. Была произведена фотофиксация элементов традиционной культуры (более 120 фотографий), собраны списки представителей коренных малочисленных народов Ольгинского района, а также изучены материалы краеведческих музеев в пгт Ольга и с. Михайловка, которые представляют офлайн-формы репрезентации культуры тазов для жителей Приморского края. Материалы, собранные в ходе полевых наблюдений, были сопоставлены с результатами предварительного нетнографического исследования. Остановимся подробнее на некоторых их аспектах, наиболее релевантных для настоящей работы.

Во-первых, элементы традиционной культуры тазов, преимущественно пища, которые практически не репрезентируются в сети Интернет, четко

фиксируется в офлайн-пространстве. Наши собеседники чаще всего вспоминали о таких традиционных блюдах, как салат с картофелем «тудосы» (от кит. *тудодзы* 土豆子) и салат с редькой «лобосы» (от кит. *лобоцзы* 萝卜子) (Полевые материалы автора, далее – ПМА. 2024 г.). Важную роль в пищевых предпочтениях играет использование зелени, в частности – сибирской вариации борщевика, который местные тазы называют «лазынчин». Так, одна из опрошенных (1950 г.р.), проживающая в пгт Ольга, так рассказывала о предпочтениях своего сына: «Он мне говорит: “Мама, ты будешь пельмени делать, добавь туда лазынчин и зелени побольше”» (ПМА. 2024 г.). Лазынчин – скорее всего русифицированное китайское название борщевика Меллендорфа (кит. *лаошаньцин* 老山芹; лат. *Heracleum moellendorffii* Hance), хотя большее распространение в Приморье имеет борщевик расщепленный (лат. *Heracleum dissectum*) (см.: [13, с. 56]). Таким образом, представления о национальной кухне и связанных с ней пищевых предпочтениях составляют значительный элемент современной материальной культуры тазов. Более того, часто рецепты блюд сохраняются без четкой корреляции со знанием их названий.

Во-вторых, подтвердился вывод предварительного интернет-обследования о том, что язык тазов продолжает свое бытование. Большая часть наших собеседников в повседневной жизни использует только русский язык, однако люди в возрасте старше 60 лет достаточно регулярно употребляют длинные устоявшиеся словесные формулы. Например, автор этой статьи присутствовал при произнесении такой формулы перед сохранившимся в Михайловке алтарем божества Лойфу (возможно, от кит. *лаофу* 老夫), аналогии которой обнаруживаются в соответствующих описаниях рубежа XIX – начала XX вв. [4, с. 109–110; 19, с. 19]. Иными словами, распространенный в сети

тезис о том, что остается лишь «последний носитель тазовского языка», не подтвердился.

В-третьих, тазы Ольгинского района, с одной стороны, четко отделяли себя от других народов – русских, удэгейцев, нанайцев. С другой стороны, в офлайн-поле собеседники гораздо четче выражали идею о том, что все коренные народы Приморского края имеют множество общих интересов: «Мы все коренные в одной лодке. Да, мы и с русскими все делаем вместе: и там – на СВО, и здесь – рыбу ловим. Зачем нас разделять?» (ПМА. 2024 г.). Более того, отдельные элементы культуры тазов воспринимаются местными русскими жителями не как иноэтнические, а как регионально-специфичные (например, ляндошка – коса, серп (от кит. *ляньдао* 镰刀), лободошка – нож-тесак (от кит. *лободао* 萝卜刀). Когда в ходе опросов мы использовали китайские названия, то русские собеседники говорили: «Зачем вы так официально называете – ляндоа? Мы косу называем ляндошкой, у нас у всех ляндошки есть, мы все их так называем» (ПМА. 2024 г.).

Наконец, обследование показало существование внутри группы тазов общности «гольдов», которые обладают четким самосознанием и проводят границу между собой и тазами. При этом в переписях населения люди, которые именуют себя гольдами, включались в состав нанайцев, поскольку понятие «гольд» считается устаревшим экзоэтнонимом нанайцев, а в полевых исследованиях 1990-х гг. – в состав тазов. Так, одним из сторонников наличия особой гольдской идентичности является лидер общины «Чин сан» А.Г. Захаренко (ПМА. 2024 г.), однако в научной статье А.Ф. Старцева эта община фигурирует как тазовская [22]. Таким образом, формирование самосознания тазов происходит (в том числе и в настоящее время) в сложных отношениях с упорядочивающими действиями государства в виде статистических служб и этнографическими обследованиями (подробнее об этом на примере Северо-Запад РФ см.: [17]). Все эти процессы практически незаметны в онлайн-пространстве.

Заключение

Безусловно, в отношении тазов справедливо утверждение исследователей [2; 28], что значительная часть процессов и культурных явлений жизни общества отражается и офлайн, и онлайн: это и постепенное вытеснение языка тазов русским языком, и малое распространение традиционных элементов одежды, строений, орудий труда. С другой стороны, можно выделить и значимые отличия. Во-первых, онлайн-репрезентация культуры тазов не отражает более современные, футуристические тенденций, свойственные для киберпространства, которые были продемонстрированы исследователями на примере прак-

тик повседневной городской культуры эпохи ковида [6] или манифестации и конструирования идентичности беджа Судана [9]. В случае с тазами Приморья киберпространство оказывается лишь небольшой и не самой важной сферой репрезентации их культуры. Во-вторых, в онлайн-пространстве могут более четко проявляться иные тенденции, чем те, что мы можем наблюдать в реальной жизни. Так, интернет-обследование показало, что культура тазов либо не ощущается пользователями сети как своя, либо, напротив, четко отграничивается ими от других культур – удэгейской, нанайской, русской и китайской. Полевое же исследование продемонстрировало значительную открытость общности тазов (смешанные браки, смешанное проживание), а также наличие общего культурного пространства проживающих в регионе народов, рождающего идентичность скорее «локального» [14, с. 47], а не этнического субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахметова М.В. Интернет как корпус источников по фольклору и этнографии (региональный аспект) // Фольклор и этнография: к девяностолетию со дня рождения К.В. Чистова: сборник научных статей. СПб., 2011. С. 302–311.
2. Белоруссова С.Ю., Сюзюмов А.А. Картография в киберэтнографии (на примере коренных малочисленных народов) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 93–119.
3. Белоруссова С.Ю. #Силакряшен: жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 41–63.
4. Браиловский С.Н. Тазы или уди́не: опыт этнографического исследования. СПб., 1901.
5. Гладкова А.А. Региональные веб-сайты этнических групп России как отражение языкового и культурного плюрализма в сети Интернет // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 2. С. 17–39.
6. Головнев А.В. Киберскорость // Этнография. 2020. № 3. С. 6–32.
7. Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1. С. 100–108.
8. Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021.
9. Гордеев Ф.И., Тutorsкий А.В., Чиркова А.Х. Видеоматериалы о беджа в интернете: локальные и глобальные измерения идентичности // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2023. № 3. С. 127–138.
10. Желамская Е.П. База, деревня, природа: трансформация представления местных жителей о поселке городского типа во второй половине XX – начале XXI в. // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 45–66.

11. Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Табл. 17. Население коренных малочисленных народов Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/Tom5_tab17_VPN-2020.xlsx
12. Киссер Т.С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 64–84.
13. Латушко Ю.В., Пантюхина И.Е., Демина А.С. Лекарственные растения в жизни современных нанайцев (по материалам полевого исследования) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2020. Т. 28. С. 45–68.
14. Латушко Ю.В., Свистов Н.Л., Левченко А.В. Этнодифференцирующие элементы современного культурного ландшафта р. Бикин // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2021. Т. 32. С. 33–49.
15. Махмутов З.А., Габдрахманова Г.Ф. Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети ВКонтакте // Историческая этнология. 2016. Т. 1. № 2. С. 276–292.
16. Мельникова Е.А. Биографии переезда из города в деревню и риторика самотрансформации в современной России // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 88–105.
17. Новожилов А.Г. Сохранение языков коренных малочисленных народов в условиях глобализации (опыт Северо-Запада России) // Русин. 2022. № 67. С. 361–374.
18. О союзе // Союз коренных малочисленных народов Приморского края. URL: <https://союз-кмнс.рф/o-soyuze>
19. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Т. 2. Прочие тунгусские племена. СПб., 1906.
20. Разумова И.А., Сулейманова О.А. Саамские сетевые сообщества в «этническом интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 2. С. 114–122.
21. Сообщество «Союз коренных малочисленных народов Приморского края». URL: https://vk.com/souz_kmn_pk
22. Старцев А.Ф. Проблемы современного развития хозяйственной деятельности тазов Ольгинского района Приморского края // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сборник научных статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. С. 202–206.
23. Титорский А.В. Биографический метод сбора полевой информации // Полевая этнография– 2008: материалы международной научной конференции. СПб.: Изд. дом Санкт-Петербургского гос. университета, 2010. С. 11–21.
24. Титорский А.В. Биографическое интервью и антропология добра: точки соприкосновения // Антропологии. 2024. № 2. С. 111–130.
25. Титорский А.В. Развитие интернет-ресурсов по этнографической / антропологической тематике в 2003–2013 гг. // Историческая информатика. 2013. № 2. С. 31–41.
26. Хохолькова Н.Е. «Африканцы XXI века»: репрезентация транскультурной идентичности в виртуальном пространстве. // Этнография. 2020. № 3. С. 90–102.
27. Щепанская Т. Б. Домик-в-деревне для бегства и выживания: утопия сельской автономии в популярной футурологии катастроф // Этнографическое обозрение. 2020. № 6. С. 70–87.
28. Ягафова Е.А. Киберэтничность чувашей: репрезентационные практики // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 147–158.
29. Ягафова Е.А. Репрезентация этничности в киберпространстве: методологические подходы, исследовательские практики // Информационное общество. 2023. № 5. С. 65–73.
30. Bahl, A., 1997. Zwischen On- und Offline. Identität und Selbstdarstellung im Internet. München: KoPäd Verlag.
31. Boellstorff, T., 2008. Coming of age in Second life: an anthropologist explores the virtually human. Princeton: Princeton University Press.
32. Hine, C., 2017. From virtual ethnography to the embedded, embodied, everyday internet. In: Hjorth, L., Horst, H. and Galloway, A. eds., 2017. The Routledge companion to digital ethnography. New York: Routledge, pp. 21–28.
33. Hine, C., 2000. Virtual ethnography. London: Sage.
34. Miller, D. et al., 2019. Contemporary comparative anthropology – the Why We Post Project. Ethnos, Vol. 84, no. 2, pp. 283–300.
35. Miller, D., 2016. Social media in an English village. London: UCL Press.
36. Miller, D., 2011. Tales from Facebook. Malden: Polity Press.
37. Poster, M., 1998. Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communication. In: Jones, S.G. ed., 1998. Cybersociety 2.0: revisiting computer-mediated communication and community. Thousand Oaks: Sage, pp. 184–211.
38. Rheingold, H., 1991. Virtual reality. New York: Simon and Schuster.

REFERENCES

1. Akhmetova, M.V., 2011. Internet kak korpus istochnikov po fol'kloru i etnografii (regional'nyi aspekt) [Internet as a source corpus on folklore and ethnography (regional aspect)]. In: Fol'klor i etnografiya: k devyanostoletiyu so dnya rozhdeniya

K.V. Chistova: sbornik nauchnykh statei. Sankt-Peterburg, 2011, pp. 302–311. (in Russ.)

2. Belorussova, S.Yu. and Syuzyumov, A.A., 2024. Kartografiya v kiberetnografii (na primere korennykh malochislennykh narodov) [Cartography in cyber-ethnography (the case of indigenous minority peoples)], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 93–119. (in Russ.)

3. Belorussova, S.Yu., 2019. #Silakryashen: zhizn' nepriznannogo Naroda [#Silakryashen: the virtual life of an unrecognised people], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 41–63. (in Russ.)

4. Brailovskii, S.N., 1901. Tazy ili udihe: opyt etnograficheskogo issledovaniya [Tazy, or udihe. An ethnographic research]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

5. Gladkova, A.A., 2015. Regional'nye veb-saity etnicheskikh grupp Rossii kak otrazhenie yazykovogo i kul'turnogo plyuralizma v seti Internet [Russia ethnic groups' websites as a reflection of linguistic and cultural pluralism in the Web], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, no. 2, pp. 17–39. (in Russ.)

6. Golovnev, A.V., 2020. Kiberskorost' [Cyber-speed], *Etnografiya*, no. 3, pp. 6–32. (in Russ.)

7. Golovnev, A.V., Belorussova, S.Yu. and Kisser, T.S., 2018. Veb-etnografiya i kiberetnichnost' [Web-ethnography and cyber-ethnicity], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 100–108. (in Russ.)

8. Golovnev, A.V., Belorussova, S.Yu. and Kisser, T.S., 2021. Virtual'naya etnichnost' i kiberetnografiya [Virtual ethnicity and cyber-ethnography]. Sankt-Peterburg: MAE RAN. (in Russ.)

9. Gordeev, F.I., Tutorskiy, A.V. and Chirkova, A.Kh., 2023. Videomaterialy o bedzha v internete: lokal'nye i global'nye izmereniya identichnosti [Beja video data on the Internet: local and global dimensions of identity], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23. Antropologiya*, no. 3, pp. 127–138. (in Russ.)

10. Zhelamskaya, E.P., 2024. Baza, derevnya, priroda: transformatsiya predstavleniya mestnykh zhitelei o poselke gorodskogo tipa vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. [Base, village, nature: transformation of the local image of an urban-type settlement in the second half of the XXth – early XXIst centuries], *Vestnik antropologii*, no. 2, pp. 45–66. (in Russ.)

11. Itogi VPN-2020. T. 5. Natsional'nyi sostav i vladenie yazykami. Tabl. 17. Naselenie korennykh malochislennykh narodov Rossiiskoi Federatsii [Results of the All-Russian Population Census 2020. Vol. 5. Ethnic composition and language proficiency. Table 17. Population of indigenous peoples of the Russian Federation]. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/media-bank/tom5_tab17_vpn-2020.xlsx (in Russ.)

12. Kisser, T.S., 2019. Virtual'naya identichnost' rossiiskikh nemtsev [Virtual identity of Russian Germans], *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*, no. 2, pp. 64–84. (in Russ.)

13. Latushko, Yu.V., Pantyukhina, I.E. and Demina, A.S., 2020. Lekarstvennye rasteniya v zhizni sovremennykh nanaitsev (po materialam polevogo issledovaniya) [Medicinal plants in the modern life of Nanai people (based on field study materials)], *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, Vol. 28, pp. 45–68. (in Russ.)

14. Latushko, Yu.V., Svistov, N.L. and Levchenko, A.V., 2021. Etnodifferentsiruyushchie elementy sovremennogo kul'turnogo landshafta r. Bikin [Ethno-differentiating elements of the modern cultural landscape of the Bikin River], *Trudy Instituta istorii, arkhologii i etnografii DVO RAN*, Vol. 32, pp. 33–49. (in Russ.)

15. Makhmutov, Z.A. and Gabdrakhmanova, G.F., 2016. Osobennosti etnicheskoi identichnosti virtual'nykh tatarskikh soobshchestv v sotsial'noi seti VKontakte [The features of ethnic identity of Tatar virtual communities in VKontakte social networking service], *Istoricheskaya etnologiya*, no. 2, pp. 276–292. (in Russ.)

16. Mel'nikova, E.A., 2020. Biografii perezda iz goroda v derevnyu i ritorika samotransformatsii v sovremennoi Rossii [The biographies of urban-rural move and the rhetoric of self-transformation in present-day Russia], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 88–105. (in Russ.)

17. Novozhilov, A.G., 2022. Sokhranenie yazykov korennykh malochislennykh narodov v usloviyakh globalizatsii (opyt Severo-Zapada Rossii) [Preserving the languages of indigenous minorities under globalization (a case study of the Russian North-West)], *Rusin*, no. 67, pp. 361–374. (in Russ.)

18. O soyuze [About the Union]. URL: <https://coyuz-kmhc.pf/o-soyuz> (in Russ.)

19. Patkanov, S.K., 1906. Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov. T. 2. Prochie tungusskie plemena [Essay on the geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia, based on data from the First general population census of the Russian Empire of 1897 and other sources. Vol. 2. Other Tungus tribes]. Sankt-Peterburg. (in Russ.)

20. Razumova, I.A. and Suleimanova, O.A., 2021. Saamskie setevye soobshchestva v «etnicheskom internete» Rossii [Sami network communities in the «ethnic» internet in Russia], *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, pp. 114–122. (in Russ.)

21. Soobshchestvo «Soyuz korennykh malochislennykh narodov Primorskogo kraia» [Community «The Union of indigenous minority peoples of Primorsky Krai»]. URL: https://vk.com/souz_kmn_pk (in Russ.)

22. Startsev, A.F., 2015. Problemy sovremennogo razvitiya khozyaistvennoi deyatel'nosti tazov

Ol'ginskogo raiona Primorskogo kraia [The problems of the modern development of economic activities of the Taz people of Olginsky District of Primorsky Krai]. In: V zerkale Perestroiki: k osmysleniyu rossiiskoi transformatsii: sbornik nauchnykh statei. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 2015, pp. 202–206. (in Russ.)

23. Tutorskiy, A.V., 2010. Biograficheskii metod sbora polevoi informatsii [Biographical method of collecting field information]. In: Polevaya etnografiya – 2008: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2010, pp. 11–21. (in Russ.)

24. Tutorskiy, A.V., 2024. Biograficheskoe interv'yū i antropologiya dobra: tochki soprikosnoveniya [Biographical interview and anthropology of the good: points of contact], Anthropologii, no. 2, pp. 111–130. (in Russ.)

25. Tutorskiy, A.V., 2013. Razvitie internet-resursov po etnograficheskoi / antropologicheskoi tematike v 2003–2013 gg. [The development of Internet resources on ethnographic / anthropological topics in 2003–2013], Istoricheskaya informatika, no. 2, pp. 31–41. (in Russ.)

26. Khokhol'kova, N.Ye., 2020. «Afrikantsy XXI veka»: reprezentatsiya transkul'turnoi identichnosti v virtual'nom prostranstve [«Africans of the XXIst century»: representation of transcultural identity in the virtual space], Etnografiya, no. 3, pp. 90–102. (in Russ.)

27. Shchepanskaya, T.B., 2020. Domik-v-derevne dlya begstva i vyzhivaniya: utopiya sel'skoi avtonomii v populyarnoi futurologii katastrof [House-in-the-village for escape and survival: utopia of rural autonomy in the popular futurology of disasters], Etnograficheskoe obozrenie, no. 6, pp. 70–87. (in Russ.)

28. Yagafova, E.A., 2024. Kiberetnichnost' chuvash: reprezentatsionnye praktiki [Cyber-ethnicity

of the Chuvash: representational practices], Vestnik antropologii, no. 2, pp. 147–158. (in Russ.)

29. Yagafova, E.A., 2023. Reprezentatsiya etnichnosti v kiberprostranstve: metodologicheskie podkhody, issledovatel'skie praktiki [Representation of ethnicity in cyberspace: methodological approaches, research practices], Informatsionnoe obshchestvo, no. 5, pp. 65–73. (in Russ.)

30. Bahl, A., 1997. Zwischen On- und Offline. Identität und Selbstdarstellung im Internet. München: KoPäd Verlag.

31. Boellstorff, T., 2008. Coming of age in Second life: an anthropologist explores the virtually human. Princeton: Princeton University Press.

32. Hine, C., 2017. From virtual ethnography to the embedded, embodied, everyday internet. In: Hjorth, L., Horst, H. and Galloway, A. eds., 2017. The Routledge companion to digital ethnography. New York: Routledge, pp. 21–28.

33. Hine, C., 2000. Virtual ethnography. London: Sage.

34. Miller, D. et al., 2019. Contemporary comparative anthropology – the Why We Post Project. Ethnos, Vol. 84, no. 2, pp. 283–300.

35. Miller, D., 2016. Social media in an English village. London: UCL Press.

36. Miller, D., 2011. Tales from Facebook. Malden: Polity Press.

37. Poster, M., 1998. Virtual ethnicity: tribal identity in an age of global communication. In: Jones, S.G. ed., 1998. Cybersociety 2.0: revisiting computer-mediated communication and community. Thousand Oaks: Sage, pp. 184–211.

38. Rheingold, H., 1991. Virtual reality. New York: Simon and Schuster.

*Статья поступила в редакцию 21.01.2025;
рекомендована к печати 20.02.2025*

